

Владимир Игоревич Карпец –
член Союза писателей России, кандидат
юридических наук

Церковь и Царство или «христианская демократия»?

Еще один «византийский урок»*

В 1393 году Патриарх Константинопольский Антоний, объясняя в своем послании Великому князю Московскому Василию Дмитриевичу значение вселенской православной империи, писал: «Святой Царь занимает высокое место в Церкви; он не то, что другие поместные князья и государи. Цари в начале упрочили и утвердили благочестие во всей вселенной. Цари собирали Вселенские соборы. Они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догматах и о благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей. Наконец, Цари вместе с соборами своими постановлениями определили порядок архиепископских кафедр и установили грани-

цы митрополичьих округов и епископских епархий. За все это они имеют великую честь и занимают высокое место в Церкви. <...> На всяком месте, где только имеются христиане, имя Царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имеет никто из прочих князей и властителей. <...> Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь Царя. Ибо Царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга. Послушай верховного апостола Петра, говорящего в первом соборном послании: “Бога бойтесь, царя чтите” (1 Пет. 2: 17. – В.К.). Не сказал “царей”, чтобы кто не стал подразумевать именующихся царями у разных народов, но “Царя”, указывая на то,

* Статья публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. *Ред.*

Первый собор в Никее. Фреска XVIII века

что один только Царь во Вселенной».

Эта ясная и чеканная формула стала квинтэссенцией того единства Церкви и Царства, которое известный церковный автор минувшего века протопресвитер Александр Шмеман, несмотря на то, что позже сам отдавал дань либерализму и обновленчеству, назвал в одной из своих ранних работ «догматическим союзом». В одноименной статье он писал: «Император причисляется к лику святых именно как Император, как богопомазанный возглавитель христианской империи. Но святость эта не того же, так сказать, порядка, что святость личная или монашеская. Святость личная, мы видели, достижима и мыслится только в уходе от мира. Но у мира остается великая религиозная задача, великая цель и подвиг – сохранить в первой чистоте “безценный бисер” истинной

Протопресвитер Александр Шмеман:

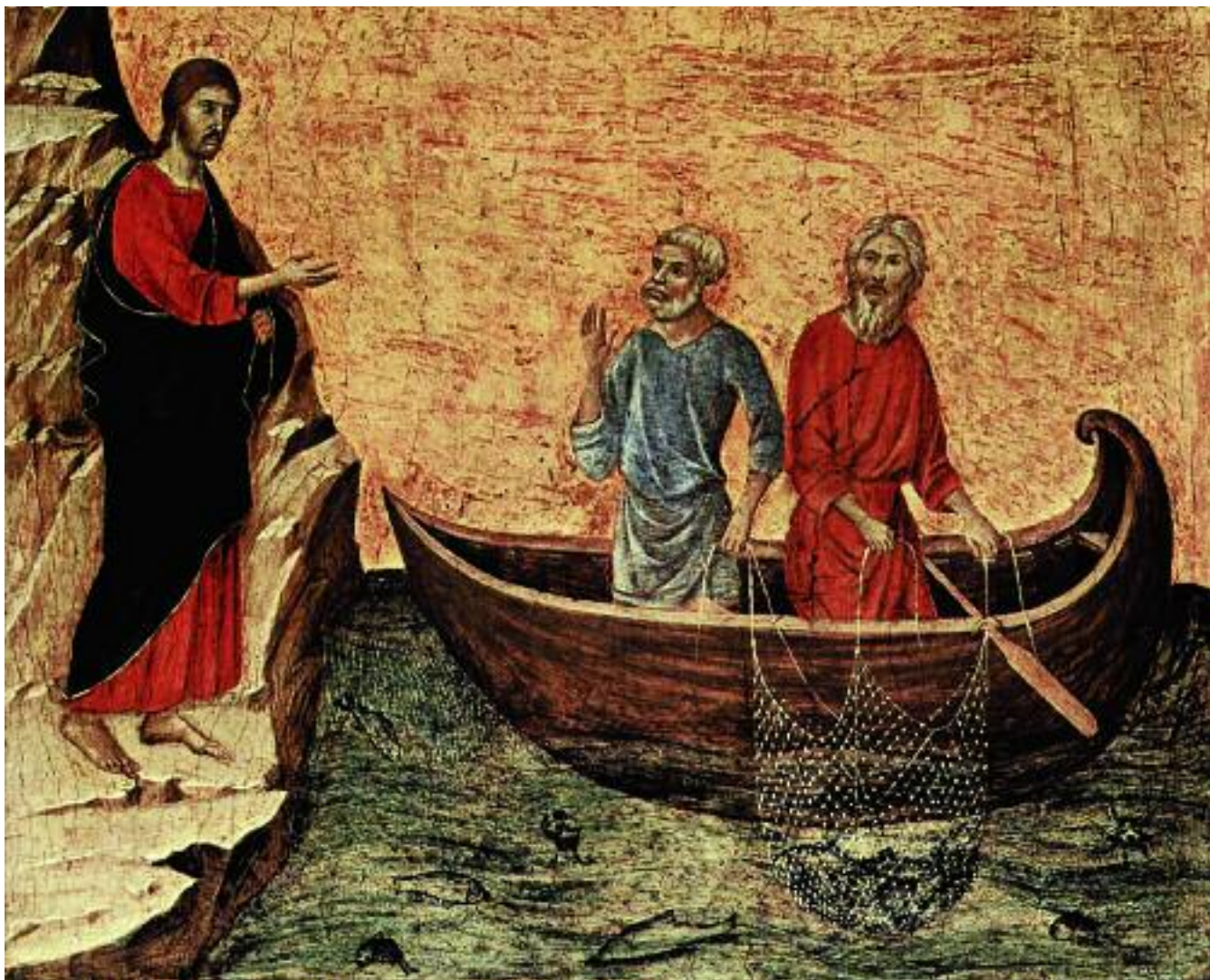
«Не в нравственном совершенствовании, а в этом назначении империи – быть защитницей правой веры – и устанавливается ее теоретическая ценность, ее религиозное оправдание. <...> И недаром Свод Юстиниана, этот первый опыт законодательства христианской империи, начинается с Символа веры. Тут – основа и цель империи, тут – сердце византийской теократии».

веры, догматическую акривию. Император и есть прежде всего символ и носитель этой православной миссии империи. Это не означает, что к нему как к человеку неприменимы нравственные требования христианства, но здесь возможны снисхождение и компромисс. В некотором смысле тот нравственный максимализм, который связан с влиянием монашества, парадоксально минимизировал нравственный уровень мира. Праведность стала как бы не от мира сего – за ней нужно уходить из мира – и Император или его наследник – русский князь – принимает на смертном одре ангельский об-

раз, как бы свидетельствуя этим недостаточность своего мирского чина для спасения души. И потому не в нравственном совершенствовании, а в этом назначении империи – быть защитницей правой веры – и устанавливается ее теоретическая ценность, ее религиозное оправдание. Так возвращаемся мы к тому догматическому союзу, с которого начали. И недаром Свод Юстиниана, этот первый опыт законодательства христианской империи, начинается с Символа веры. Тут – основа и цель империи, тут – сердце византийской теократии».

Московское царство, затем Российская империя это

Дуччо ди Буонинсеня. Мазста. Призвание апостолов Петра и Андрея. 1308–1311

Идеологи христианской демократии имеют некоторые основные выводы свои посылы из настроений раннехристианской общины с ее «духовной демократией». Однако это возможно лишь при абсолютном соблюдении каждым христианского идеала. Во всех остальных случаях собственно христианское из христианства быстро «выветривается» и оборачивается чистым либерализмом или социализмом.

«сердце» сохранили. Напомним, что Алексей Лосев неоднократно говорил о «чистом византийско-московском православии». Речь на самом деле шла об онтологически едином Царстве-Церкви. Неслучайно священноинок Филофей Псковский называл Императора Константина Великого предком великого князя Василия III: «Не преступай, царю, заповеди, еже положиши твои прадеды – великий Константинъ, и блаженный святой

Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ, и прочии блаженнии святии, ихъ ж корень и до тебе <...>. Да веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства придоша в конецъ и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоитъ, а четвертому не быти <...> да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя

христианския веры снисдошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесной християномъ царь».

Несмотря на все перемены, такое единство Царства и Церкви оставалось официальной идеологией и в петербургский период. В Своде законов Российской империи правовые нормы, охранявшие Церковь, занимали особое место. Православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», российский Император не мог исповедовать никакой другой веры, кроме православной. Он же рассматривался как «верховный защитник» Православной церкви и «блюститель правоверия».

Автор фундаментального исследования «Священство и

Царство. Россия, начало XX века – 1918 год. Исследования и материалы» Михаил Бабкин говорит прямо: «В России, как и в Византии, православные самодержцы выполняли функции по “обеспечению” религиозного спасения душ своих подданных. В управлении Православной церковью цари, повторюсь, имели более широкие полномочия, чем даже патриархи. Сосредотачивая в своих руках светскую и духовную власть, они обладали высшим сакральным авторитетом. Патриархи же играли второстепенные по сравнению с царями роли. Патриархи, как и прочие архиереи, являлись подданными царя. То есть они были слугами Бога и царя. Цари же – слугами *только* Христа, и более никого». Здесь надо иметь в виду, что глава Церкви – не епископ, не папа и не патриарх, но Сам Христос, «образ одушевлен» коего, как значительно позже писал преподобный Максим Грек, есть Царь.

Уже первый христианский Император рассматривался не только как «внешний епископ» (выражение самого Константина Великого), но и как Богом поставленный «общий епископ» (по выражению Евсевия), который при возникновении вопроса о ересь созывает Вселенские соборы. Все семь Вселенских соборов созывались Императорами, которые присутствовали на них сами или же присылали своих представителей. Для того чтобы собор был признан Вселенским, его решения должны были быть приняты единогласием епископов и подписаны Императором, а затем уже – постепенно – признаны церковным народом, миром. Не «сакральное» число семь препятствует сегодня созыву так называемого восьмого собора, о коем так пекутся церковные либералы, а отсутствие после 2 марта

1917 года императорской власти. Собор 448 года в Константинополе приветствовал Феодосия II как «первосвященника и Императора». Отцы Халкидонского собора 451 года признали в Маркиане «священника и Императора, победителя в войне и учителя веры». Даже римские епископы в первые века не отрицали за императорской властью первосвященнического характера. Так, папа Лев Великий приписывает Императору Маркиану и царское могущество, и священническое попечение. Папа Григорий II в своей переписке с Императором Львом Исавром по поводу выражения последнего, что он – Император и священник, возражал только против иконоборческих распоряжений, но не оспаривал священнической власти благочестивых предшественников этого царя. Церковь молилась об Императорах-еретиках. Собственно отличия Императора от епископа – невозможность совершать литургию и приложение Святых Даров, а также право вступать в брак.

Да, действительно, так было не всегда. Идеологи христианской демократии имеют некоторые основания выводить свои посылы из настроений раннехристианской общины с ее «духовной демократией». Однако это возможно лишь при абсолютном соблюдении каждым христианского идеала – при девстве, полном нестяжании и непрестанной молитве, то есть в честном иночестве, равно как и в постоянной готовности к мученическому венцу. Во всех остальных случаях собственно христианское из христианства быстро «выветривается» и оборачивается чистым либерализмом или социализмом.

Весьма популярно, особенно в последнее время, выведение христианско-демократических

идей из Ветхого Завета. В частности, игумен Филипп (Рябых), основываясь на Книге Судей и Первой Книге Царств, пишет: «В Первой Книге Царств рассказывается о том, что в древнем Израиле богоустановленным правлением была теократия. Она существовала без институтов государственной власти. Сам Бог заботился о древнем еврейском народе. Проводником Божией воли были судьи, которые судили и организовывали народ в случае необходимости. Но слабость веры еврейского народа в заботу Бога привела к тому, что он захотел иметь видимое проявление власти в лице царя: “Мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши” (1 Цар. 8: 20). Таким образом, Библия нам сообщает, что монархия даже не была изобретением богоизбранного народа, но была заимствована им от язычников». В несколько смягченном виде эту же позицию выражает Андрей Десницкий в статье «Священство и Царство в российском общественном сознании (из истории одного архетипа)»: «Так и в самых “промонархических” отрывках Ветхого Завета Царство изображается как институт, разрешенный Богом, но установленный всецело по воле людей. Иерархия ценностей вполне понятна: идеалом общественного устройства служит теократия, но поскольку она, как всякий идеал, не может постоянно оставаться практической нормой общественного устройства, народ, чтобы избежать анархии, выбирает монархию. Характерно, что Ветхий Завет вообще нигде не содержит четких предписаний относительно форм государственного устройства, в отличие от детально оговоренных форм культа. Господь избирает конкретных людей

Школа Рафаэля. Видение креста («Сим победиши»). 1520–1524

Православная империя на самом деле пришла не из Ветхого Завета и не от еврейского народа, а от язычников и была именно воцерковлена вся целиком, в ее языческих формах, как воцерковляется после Святого Крещения весь человек, а не только какая-то часть его телесно-душевного состава.

(судей, царей, пророков) и через них управляет Своим народом, но нигде и никогда не выводит Он идеальную формулу власти для этого народа». Приведенная точка зрения имеет протестантское происхождение, и ее критиковал еще Лев Тихомиров в «Монархической государственности»: «В протестантстве очень распространена мысль, будто бы в Библии царская власть не одобряется и составляет, по выражению Библии, “грех перед Господом”. У историка, вообще точного и беспристрастного, как Шлоссер, прямо говорится, будто бы учреждение Царства “резко противоречило законодательству Моисея, по которому главою государства признавался один

только Бог. Трудно понять, как повторяют подобные вещи люди, читавшие Библию”. Но можно пойти дальше и задать еще один вопрос: как повторяют подобные вещи люди, читавшие *всю* Библию? История Ветхого Завета и богоизбранного народа *абсолютно завершена* рождением Господа Иисуса Христа и может быть рассмотрена только через Него и *никак* не определяет православную историософию, разве что прообразовательно или вообще “анагогически”, как говорили отцы-каппадокийцы, через “обрезание Писаний”. Последним пророком был святой Иоанн Предтеча, на котором и завершился “пророческий ряд” и вообще все “лица израилlestии”.

Трудно понять, как вообще может быть использован Ветхий Завет в экзегезе Империи, хотя это и происходило (с разных сторон) на протяжении всей истории».

Виктор Сергеев (его неприятие православия и одновременно попытка богословского «оправдания» демократии очевидно указывает в своей монографии «Демократия как переговорный процесс»: «Именно Ветхий Завет, и именно через тексты пророков, стал основным источником идей у радикальных протестантских сект. Интересно отметить, что в русском православии, где *роль Ветхого Завета вообще значительно скромнее* (курсив мой. — В.К.), чем в западных христианских Церквях, где роль высшего суда по отношению к власти заметно приглушена, а необходимость терпеть власть, в духе послания святого Павла к римлянам, рассматривается как императив, со-

держащаяся в Ветхом Завете идея боговдохновенного пророчества и возможность вызвать власть на суд перед Богом все же ясно проявила себя в одном из наиболее интригующих эпизодов русской истории – переписке между Иваном Грозным и князем Андреем Курбским. Курбский совершенно ясно обвиняет Грозного в отступлении от христианских законов и грозит Божьим судом, опираясь на ветхозаветные цитаты, Грозный же отвечает ему словами святого апостола Павла о божественной природе власти». Именно так. Идеи христианской демократии, действительно впервые высказанные в России князем Андреем Курбским в полемике с царем Иоанном Грозным, суть отрицание прежде всего зрелого православия со времен Вселенских соборов. Православная империи на самом деле пришла не из Ветхого Завета и не от еврейского народа, а от язычников и была именно *воцерковлена* вся целиком, в ее языческих формах, как воцерковляется после Святого Крещения *весь* человек, а не только какая-то часть его телесно-душевного состава.

Церковь учит и всегда учила о том, что императорская власть есть «держай ныне», «катехон», всегда стоящий на страже от «близ грядущего антихриста», «беззаконного». Такое толкование утвердилось со времен изъяснения святым Иоанном Златоустом Послания святого апостола Павла к Солунянам (2: 6–7) и является частью церковного предания. Это связано с тем, что именно «власть сильных римлян» не даст совершить объединения человечества вокруг Иерусалима, где антихрист должен «воссесть яко Бог». В любом случае онтология империи и Церкви есть единая онтология. Их невозможно разорвать. Отсюда происте-

кают древние, даже еще и староримского происхождения, предания о христианстве как тайном императорском культе даже и до святого Константина. Французский исследователь Жильбер Дагрон в книге «Император и священник» пишет о «легенде о тайно обратившемся Императоре», которая «протоптала себе тропинку в истории, ставшую впоследствии широкой дорогой историографии». Согласно этой легенде, «имперский Рим изначально был внутренне христианским», а «обращение Константина – это не что-то начинаемое с чистого листа, но лишь важный момент, когда в мире сем в своей первоначальной чистоте “Августу единоначальствовавшему на земли” проявился предвечный план Божественного домостроительства». По словам Дагрона, это было «стремлением совместить христианское время с началом империи, а не с ее христианизацией». Автор приводит примеры легенд о Филиппе Арабе, Императоре и тайном христианине, об Августе, которому пифия открыла, что она потеряла свой пророческий дар с рождением таинственного Младенца, о Нероне, бывшем восторженным свидетелем победы апостола Петра над Симоном-волхвом, а затем ве-

и русское предание о Тиберии, которому святая Мария Магдалина (согласно преданию, ее свободно пропустили во дворец, поскольку она сама была царского рода) преподнесла красное пасхальное яйцо. Конечно, многое здесь относится не к «позитивной», а к «символической» истории. Но тот же уже цитировавшийся Лосев писал о тождестве «полноценного символизма» и «полноценного реализма»... Церковь-Царство – это феномен, перешедший после падения Второго Рима (по причине унии с католиками 1439 года, затеянной именно императорской властью) на Третий Рим – Русское царство, тогда Московскую Русь (именно так, а вовсе не только на град Москву). Перешедший полностью, со всей незыблемостью царского достоинства и церковных чинов. Это и было запечатлено Стоглавым собором 1551 года с участием пяти прославленных Церковью архиереев, в том числе святых Макария Московского и Гурия Казанского, созванным царем Иоанном Грозным, поставившим под его решениями свою подпись. Собор утвердил древний церковный чин как основу и скрепу Царства и будущей империи. Так называемый Большой Московский собор 1666–1667 годов был разбой-

Церковь-Царство – это феномен, перешедший после падения Второго Рима (по причине унии с католиками 1439 года, затеянной именно императорской властью) на Третий Рим – Русское царство, тогда Московскую Русь (именно так, а вовсе не только на град Москву). Перешедший полностью, со всей незыблемостью царского достоинства и церковных чинов.

левшем казнить Пилата за то, что тот предал Иисуса иудеям, о Веспасиане и Тите, которые исполнили пророчество Ветхого Завета, разрушив Иерусалимский храм, и, наконец, о Домициане, тайно обращенном Иоанном Богословом. Сюда же можно отнести также

ничьим (его решения признаны ошибочными Поместным собором Русской православной церкви 1971 года). И не потому, что был созван царем без патриарха, а потому, что присутствовавшие на нем «восточные патриархи» являлись к тому времени безместными,

Сергей Милорадович. Разрыв патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем. Конец XIX века

«Перестройка» Церкви-Царства середины XVII века, вошедшая в историю под названием «церковный раскол», нанесла первый – причем самый главный – удар по всей византийско-московской онтологии. Речь идет о прекращении поминания царя и царствующего дома на проскомидии, что означало, по сути, уничтожение молитвенной – самой живой и реальной – скрепы Церкви, страны и народа.

а также потому, что он наложил клятвы и прещения на древнерусский богослужебный чин, использовавшийся русскими святыми от святого Владимира до святого патриарха Ермогена.

«Перестройка» Церкви-Царства середины XVII века, вошедшая в историю под названием «церковный раскол» (это неточно – вначале была именно «перестройка», и только потом раскол), нанесла первый – причем самый главный – удар по всей византийско-московской онтологии. Речь идет о прекращении поминания царя и царствующего дома на проскомидии, что означало, по

суги, уничтожение молитвенной – самой живой и реальной – скрепы Церкви, страны и народа. Тем самым, как говорит священник Роман Зеленский, мы «творим запустение на святом месте, мы еще и революционеры, так как, самочинно игнорируя, а фактически отвергая царскую власть, каждый раз свершаем мистическую революцию на дискосе, который, кстати, означает ясли, Голгофу, а затем и Гроб Господень».

Можно спорить, почему это произошло. Формальное объяснение – простое заимствование греческого чина в то время, когда греки перешли на «пятипросфорие», имея в виду

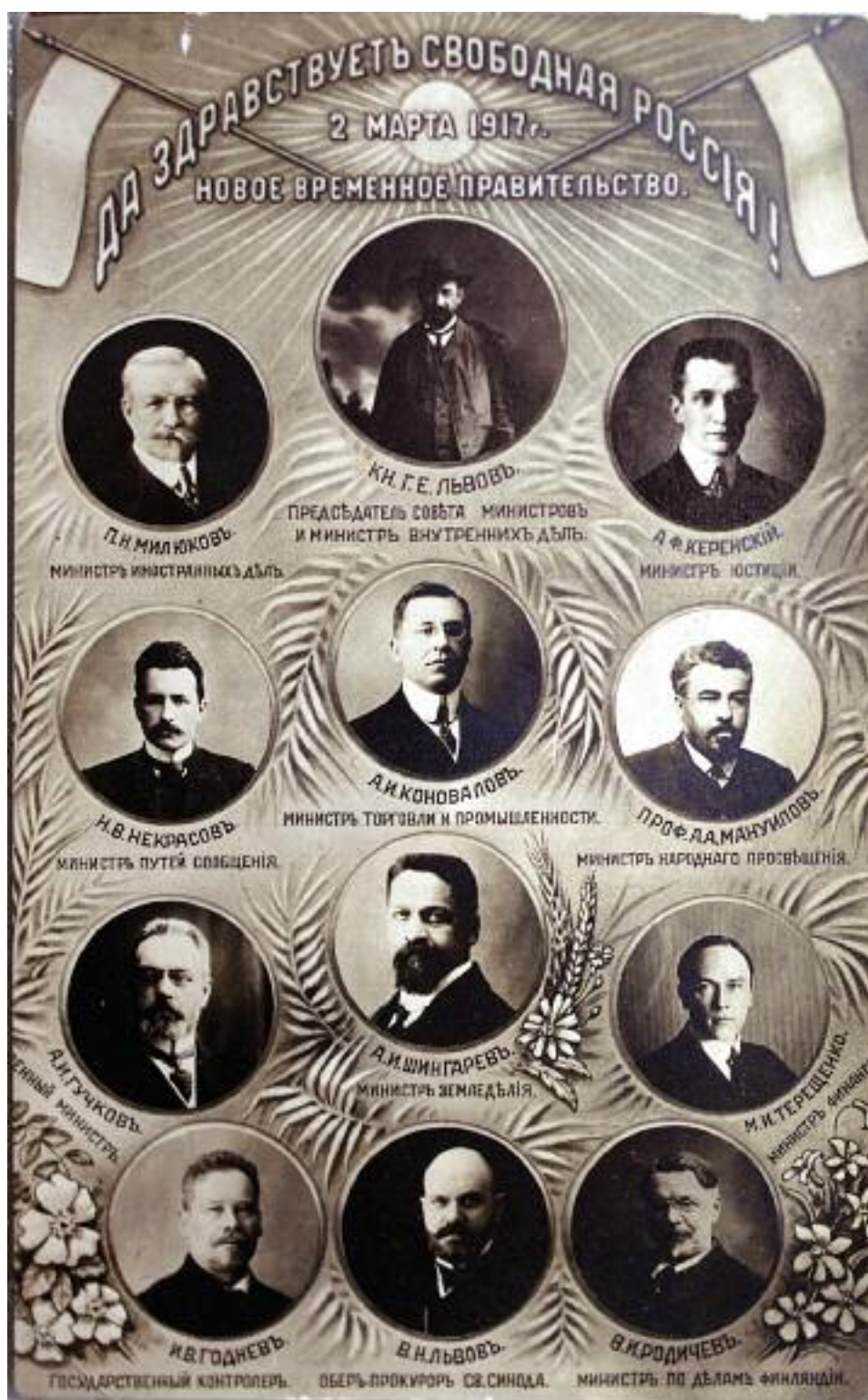
исчезновение Императора в Константинополе и турецкое иго. Известно, что некоторые деятели раскола с «никоновой» стороны (Арсений Грек, Паисий Лигарид), а вслед за ними и отдельные архиереи Церкви сразу после раскола (такие, как Симеон Полоцкий или Епифаний Славинецкий) – бывшие католики, скрытые католики и даже прямые иезуиты. Можно вспомнить и о том, что «латинство» попадало на Русь и раньше, в частности, через доминиканцев «новгородского кружка», как раз после того, как на Западе папство совершило окончательную победу над империей Гогенштауфенов. Семинарские учебники XVIII–XIX веков были пронизаны католическими или протестантскими заимствованиями, в том числе очевидным преувеличением роли ветхозаветной истории. Многие революционеры – выходцы из поповичей, правда, утратившие веру. Неслучайно

еще славянофил Иван Аксаков называл революционные идеи «христианством без Бога».

Тем не менее Церковь продолжала поминание Императора и царского дома на ектеньях и Великом Входе. Террориста Сергея Нечаева спросили: в случае победы революции в России сколько Романовых надо будет убить? Он ответил: «Всю Великую ектенью». Ленин находил эти слова своего предшественника, которого глубоко почитал, «гениальными».

Историк Бабкин в уже упоминавшейся монографии, основываясь на архивных исследованиях, показывает, что еще до революции 1905–1907 годов священноначалие начало менять литургические тексты, ограничивая поминание царствующего дома и преувеличивая титулование архиереев. В вышедшем в 1900 году «по благословению Святейшего Правительствующего Синода» Службнике исчезает обязанность вынимания на проскомидии частицы о здравии государя. А еще раньше, в 1898 году, Синод принял определение о том, что местный архиерей на литургии будет поминаться как «преосвященнейший» (на сугубой ектенье) и «великий господин наш преосвященный» (при Великом Входе).

В 1905 году многие архиереи публично проявляли сочувствие начавшейся революции. Старший викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Нарвский Антонин (Грановский) сразу после обнародования Манифеста 17 октября 1905 года перестал на совершаемых им богослужениях помянуть царя как «самодержавнейшего», а в декабре 1905 года опубликовал в столичной газете «Слово» статью о том, что православие и самодержавие несовместимы. Это было прямым провозглашением принципов христианской демокра-

Уже к концу марта 1917 года все места богослужбных и других чинов Русской православной церкви, где ранее поминалась царская власть, были исправлены. Изменения заключались в буквальной замене поминания Императора и лиц царствующего дома на поминание «благоверного Временного правительства». По сути, именно действия Синода сделали революцию необратимой.

Если мученическая смерть царской семьи была искупительной жертвой за сам Дом Романовых и за богоотступничество – прежде всего в годы раскола XVII века, то «бутовская жертва» стала искуплением для священства и мирян Русской церкви (причем как никониан, так и старообрядцев) за беснования «христианской демократии» и «церковного Февраля».

тии. Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) (будущий патриарх) после казни 6 марта 1906 года руководителя севастопольского восстания лейтенанта Петра Шмидта совершил панихиду по нему в Санкт-Петербургской духовной академии с участием слушателей. Такую же панихиду третий викарий Санкт-Петербургской епархии ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Ямбургский Сергей (Тихомиров) отслужил на Путиловском заводе.

Все это происходило при прямой поддержке митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского).

Как указывает вполне сочувствующий христианско-демократическим идеям эмигрантский церковный историк Дмитрий Поспеловский, в по-

следние годы существования самодержавной России «почти все архиереи требовали реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости». Многие из них ратовали за «восстановление патриаршества путем созыва собора и установления впредь периодичности соборов». Исследователь приводит следующий факт: 32 петербургских священника создали Союз церковного обновления и утверждали, что «Церковь не должна связываться ни с какой формой государства». Подобная связь, по их мнению, «кошунственна для Церкви» и имеет своим продолжением «связь с полицейским участком». То есть обновленцы еще даже до Февральской революции отрицали богопомазанность монархии.

Твердым монархистом (в основном из-за его позиции уже в 1920–1930-е годы) обычно принято считать будущего кандидата в патриархи и главу Зарубежной церкви митрополита Антония (Храповицкого). Однако священник Павел Флоренский в своей книге «Философия культа», завершённой в 1918 году, писал: «В церковных кругах, считающих себя правилами благочестия и столпами канонической корректности, с некоторых пор стараниями главным образом архиепископа Антония (Храповицкого) стала культивироваться мысль о безусловной необходимости неограниченной церковной власти и склонность к светской власти так или иначе коллективной, например, ограниченной коллективно выработанной конституцией или решениями того или другого представительного органа».

Поэтому естественно, что в феврале–марте 1917 года, по словам Бабкина, «позиция высшего духовенства свидетельствовала о том, что иерархи решили воспользоваться

политической ситуацией для осуществления своего желания получить освобождение от влияния Императора («светской» власти) на церковные дела и фактически избавиться от царя как своего «харизматического конкурента». Синод уже 6–8 марта распорядился изъять из богослужбных чинов поминавшие царской власти. Если Россия была провозглашена Александром Керенским республикой только через шесть месяцев после революционных событий, то Синод это сделал через шесть дней. А уже к концу марта 1917 года все места богослужбных и других чинов Русской православной церкви, где ранее поминалась царская власть, были исправлены. Изменения заключались в буквальной замене поминовения Императора и лиц царствующего дома на поминовение «благоверного Временного правительства» (даже до и без решения предполагавшегося к созыву Учредительного собрания). По сути, именно действия Синода сделали революцию необратимой.

Историк указывает и на своеобразный кощунственный символизм в поступках отдельных представителей духовенства, ассоциировавших свержение самодержавия с пасхальными торжествами. Многие современники указывали на «пасхальную» атмосферу Февральской революции. На улицах городов нередким было приветствие: «Христос воскрес... наконец-то мы свободны». А один из московских клириков, священник Владимир Востоков, явился 4 марта 1917 года на Красную площадь для служения праздничного молебна не в темном (великопостном, положенном по церковному уставу), а в красном — пасхальном — облачении. «Многим из тех, которые в те дни участвовали во всеобщей револю-

ционной вакханалии, даже казалось, будто бы «рай опустился на землю», — отмечает Бабкин.

Да, многие мечтали о временах первых христиан. Но было ли всеобщее девство? Был ли всеобщий добровольный отказ от имущества, от богатства да и от «личной свободы»? От самой жизни? Был ли отказ от возложенного на человека «бремени царского» действительным принятием «бремени Христова»? Не был ли вообще «конец константиновой эры», как говорили и сейчас любят говорить ревнители «Церкви без Царя» и как поспешно возвещают некоторые катехизисы, огромным обманом? Ведь никакого возврата к «первохристианству» нет, да и быть не может. Разве что в иночестве. Но в иночестве он был и есть всегда.

Собор 1917–1918 годов, созданный без участия Императора, то есть в противоречии с никем и никогда не отмененными (и не могущими быть отмененными) канонами Церкви и традициями, целиком проходил под знаком «христианской республики». Все поступающие к нему предложения о необходимости пересмотреть позицию в отношении свержения монархии пресекались. Был полностью изменен 11-й анафематизм чина недели православия: вместо анафемы «дерзающим на бунт и измену» против царя — анафема на возводивших хулу на Православную церковь, на посягающих на ее собственность и жизнь духовенства.

Одним из идеологов «христианской демократии» стал духовный сын митрополита Антония епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), впоследствии перешедший к старообрядцам белокрыницкого согласия. Одну из глав своих воспоминаний он так и назвал: «Моя защита республики». Он, в частности, писал:

«Это было в Томске в течение первых двух недель ноября месяца 1918 года. В Томске происходило сибирское соборное совещание, когда Урал и Сибирь оказались отрезанными от Москвы чешским фронтом. <...> Дело в том, что огромное большинство этого собрания были самые бессмысленные монархисты, *возводившие монархизм в догмат* (здесь и далее курсив мой. — В.К.) и нисколько не желавшие считаться даже с самыми очевидными фактами. Соответственно с этим главным *догматом о необходимости и неизбежности восстановления царской власти* и начались работы этого томского собрания. Я стал решительно и твердо протестовать против такого оборота дела. <...> Что же я говорил своим монархистам? Что я мог сказать им на основании Священного Писания? Я говорил, что в Священном Писании есть целая отдельная Книга Судий, описывающая идеальную республику. А когда древние иудеи вместо этих благочестивых судей пожелали иметь своего царя, то это вызвало гнев Божий».

Гнев Божий?

Автору этих строк в последнее время довелось несколько раз побывать на Бутовском полигоне. Среди чуть выходящих наружу по образу дивеевской канавки насыпей могильных рвов, среди огромных старых дубов, высящихся в окрестной роще, не покидала — и до сих пор не покидает — мысль. Если мученическая смерть царской семьи была искупительной жертвой за сам Дом Романовых и за богоотступничество — прежде всего в годы раскола XVII века, то «бутовская жертва» стала искуплением для священства и мирян Русской церкви (причем как никониан, так и старообрядцев) за беснования «христианской демократии» и «церковного Февраля». ☩